

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

и Словесность

История

Журнал филологических
и историко-культурных
исследований

№ 4 2022

Санкт-Петербург

В. Н. Быстров

«...ЗАМЕСТИТЕЛЬ БОГА НА РУССКОЙ ЗЕМЛЕ».
«ТРИ СЕРПА» А. М. РЕМИЗОВА:
ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ,
СВОЕОБРАЗИЕ ЗАМЫСЛА

Резюме

Статья посвящена истории создания, публикации в периодике и сборниках, а также художественным особенностям обширного цикла легенд о Николае Чудотворце «Три серпа» (1929) А. М. Ремизова. Он формировался на протяжении 20 с лишним лет. Отмечена нередко фигурирующая ошибочность датировки «Трех серпов»: 1927 г. вместо 1929 г. Определен генезис названия цикла. Ремизов распределил легенды по двум томам: в одном описаны истории из жизни святого, в другом — посмертные чудеса. Особое внимание уделено проблеме обозначения порядка томов, который не указан автором. Установлено, что 1-й том включает произведения о посмертном бытии Чудотворца, 2-й — о его прижизненных деяниях. Воспроизведены отклики эмигрантской критики, касающиеся творческих особенностей ремизовских легенд: стиля, причудливого соединения разновременных пластов прошлого и реалий современности и т. д. (статьи и рецензии Ю. Айхенвальда, К. Мочульского, З. Гиппиус, А. Амфитеатрова и др.). При этом акцентирована категоричная точка зрения И. Ильина, который возражал против новаций Ремизова в этом традиционном жанре, считал, что смешение эпох, разных культур, фантазий и реальности должно иметь какие-то пределы. В качестве противовеса в финале статьи приводятся слова писателя о том, что византийские легенды о Николае Чудотворце — «явление духовного мира» и они «стоят вне истории и археологии».

Ключевые слова: Алексей Ремизов, Николай Чудотворец, «Три серпа», легенды, история текста, творческий замысел

"SAINT NICHOLAS THE WONDERWORKER —
GOD'S DEPUTY IN THE RUSSIAN LAND"
THE ORIGINALITY OF THE CONCEPTUALIZATION OF
ALEXEY REMIZOV'S *THREE SICKLES* AND THE HISTORY
OF THE CREATION AND PUBLICATION
OF THIS CYCLE OF LEGENDS

Abstract

This article is devoted to Alexey Remizov's *Three Sickles*, an extensive cycle of legends about Saint Nicholas the Wonderworker. The study considers the history of creation of the texts that comprise the cycle and their publication in periodicals and collections of Remizov's selected works. It also examines the artistic features of these texts and reveals the origin of the title of the cycle. The cycle had been in the making for over twenty years and was first published in 1929 and not in 1927, as has been frequently argued. Remizov divided the legends into two volumes: one of them included the stories about the saint during his lifetime, the other volume was devoted to the holy man's posthumous miracles. The author did not, however, indicate the order of the volumes. This study establishes that the volume with the posthumous deeds of the Wonderworker came first. The article also reproduces the comments of émigré critics (Y. Aikhenvald, K. Mochulsky, Z. Gippius, A. Amfiteatov, etc.) about artistic features of Remizov's legends, such as style, the bizarre combination of different layers of the past and the present, etc. The most censorious of the critics was I. Il'yin, who strongly objected to Remizov's innovations in this traditional genre and asserted that the mixing of eras, different cultures, fantasies, and reality should have some limits. As a counterbalance to this criticism, the article cites Remizov's own words that the Byzantine legends about Saint Nicholas the Wonderworker are "a phenomenon of the spiritual world" and "stand outside history and archeology".

Keywords: Alexey Remizov, Nicholas the Wonderworker, *Three Sickles*, legends, history of the text, creative concept

DOI 10.31860/2712-7591-2022-103-115

Начало работы писателя над притчами о Николае Чудотворце относится к 1907 г., когда была впервые напечатана легенда «Никола Угодник» (Голос Москвы. 1907. № 298, 25 дек.). Впоследствии публикация легенд была продолжена в периодических изданиях и сборниках лишь в 1914–1916 гг. В тот период Ремизовым была предпринята также попытка опубликовать притчи в издательстве А. Ф. Маркса. 8 ноября 1915 г. он сообщил А. И. Тинякову: «У меня Николины сказки лежали в Ниве больше году» [цит. по: Докука и балагурье, с. 651]. Затем Ремизов объединил легенды в книге «Николины притчи», состоящей из 25 текстов (Пг., 1917; далее —

НП–1917)[см.: Лимонарь, с. 716–718]. Из этого сборника в «Три серпа» (далее — *ТС*) были включены четырнадцать текстов. В 1918 г. вышел сборник «Никола Милостивый. Николины притчи», составленный из пяти легенд («Никола Милостивый», «Свеча воровская», «Глухая тропочка», «Никола Угодник», «Задача»).

Следующая книга, связанная с образом Николая Чудотворца, — «Звенигород окликанный. Николины притчи» — появилась уже за границей (Париж; Нью-Йорк; Рига; Харбин: Алатас, 1924; далее — *ЗО*). В нее включены произведения из *НП–1917* и добавлено вступление «Теплая пламень» (цикл «Жерлица дружинная» здесь не учитывается). Главный редактор издательства «УМСА-Press» Б. П. Вышеславцев писал Ремизову в октябре 1925 г. о *ЗО*: книга «дает русской душе то, о чем она больше всего тоскует: запахи весенних полей, родной земли, звук исконной народной речи и наивность язычески-христианской (веры). Но за всем этим есть нечто бесконечно более глубокое, что я оцениваю как гениальное достижение: это святые в русском духе, прикосновение к Божественному, к наглядным глубинам народной сказки, к самому заветному в ней» [цит. по: Лимонарь, с. 774].

К. В. Мочульский так охарактеризовал ремизовское своеобразие притч о Николе, вошедших в *ЗО*: «Искусство Ремизова — во внутренней правдивости, почти прозорливости: тот же сюжет и поэфффектнее можно было развить, и приукрасить, и присочинить немножко — ведь так и просится! А он знает: одним тоном выше, одним штрихом больше — и будет фальшь. Лишнего не следует — это как в молитве: самые необходимые, самые простые слова. (...) В притчах Ремизова святость без монашеской елейности: Никола — крестьянский бог, ходит в „лапотках“. (...) „Русский народ сказкой сказал о Николе: свою веру, свои чаянья, свою правду“. Кто другой, кроме А. Ремизова, мог бы отважиться пересказать эту „сказку“?» [Мочульский 1924]. Ю. Айхенвальд, отметив весомые художественные достоинства книги в контексте творчества писателя, также обратил внимание на двойственную природу образа святого: «Известно, что Ремизов пишет узорным и затейливым слогом, что русское у него иногда искажается в руссизм, что он поэтому бывает порою непонятен без справок у Даля, без погружения в темные колodцы самого изысканного фольклора. Но „Николины притчи“ всем этим как раз и не страдают: они написаны просто, чудеснейшим языком (...) они черпают свое содержание из свежих и студеных родников народной легенды, преломляя его в личном творчестве самого одаренного автора (...) Микола изображен как представитель и наместник Бога, облеченный всеми его полномочиями и силами, но в то же время сохраняющий все человеческие

повадки и обличие. Именно это соединение божественности и самой земной, самой домашней человечности придает Николе Угоднику его неотразимую привлекательность и обаяние» [Айхенвальд, с. 2, 3].

Рецензируя *ЗО*, З. Н. Гиппиус особо выделила умение художника «сливаться с очень реальной и очень таинственной стороной русского духа, к которой мы и подходить не привыкли. (...) Таинственную сторону России даже зовут, пусть неточно, но понятно — „Юродивой Русью“. Что это такое? Если взять широко — это вся жизнь русской народной души, ее сложный рост в истории. Это — неразнимчатая сплетенность язычества, христианства, сказки, порыва к правде; это ее смех и горе, ее хитрость, слабость и сила. Страницы Ремизова, где он сам становится частью этой жизни с ее безмерностью и неуловимой мерой, с ее всегдашним, хотя бы чуть заметным уклоном к „юродству“ (напрасно мы понимаем его только в отрицательном смысле!), эти страницы и драгоценны, их-то и нельзя не любить, если любишь и чуешь Россию. (...) Ремизов тут почти не „писатель“, просто один из многих „создателей“ Николиных „сказов“» [Гиппиус, с. 447–448].

В. Н. Тукалевский размышлял об органичной близости легенд Ремизова к народному духу, сознанию, мировосприятию и творчеству: «Все притчи Николины, а их много собрал Ремизов, оттеняют, каждая, особую черту народного характера. (...) Так бы и хотелось действительно писать „научную статью“ по рассказам Ремизова, как это делается применительно к произведениям народной словесности. Но суть в том, что „притчи Ремизова“ это не обычный знакомый нам материал, а очищенный от ненужного лишнего слова; взято всё метко, а главное „правильно“. Так сказано, что не отличишь от народного сказа. (...) И чем глубже проникаешь в Николины чудеса, тем яснее, что Николу создал сам народ, таким, каким он его знает, — он „всё может“; а это и есть то русское „авось“, „вывезет“ — за что так попадает от всех русским людям за их „непрактичность“. А Никола-то и есть это — „вывезет“. Причем не в том безалаберном отношении, отрицательном, а в самом лучшем: твердая уверенность в своих силах, вера в себя, в *человека*» [Тукалевский; курсив В. Н. Тукалевского].

Для истории создания и публикации двухтомного цикла «Три серпа» существенно обращение Б. П. Вышеславцева в цитированном выше письме к Ремизову от октября 1925 г.: «Мне хотелось бы вдохновить Вас на книгу о „Николае Угоднике“. По-моему, только Вы можете ее написать. А она нужна русскому человеку (...) Книга должна быть написана приблизительно так, как Вы писали свои „византийские“ вещи“ [Лимонарь, с. 774]. Редактор УМСА-Press предлагал создать книгу о Николае Чудотворце, сходную, к примеру, с жизнеописанием «Преподобный Сергей Радонежский» (1925)

Б. К. Зайцева. Однако изначально замысел Ремизова был совершенно другим, поскольку прообразом его произведений являлась, в отличие от Сергея Радонежского, личность более вымышленная, легендарная, нежели исторически реальная. Так, 5 марта 1926 г. он писал Л. Шестову: «Читаю по-франц(узски) о St. Nicolas. Я до сих пор не могу решиться подписать контракт с Вышеславцевым и попросить денег: боюсь, что житие такое выйдет — НЕ ПРИМУТ. Т(ак) к(ак) ничего неизвестно о жизни, я думаю перевести всё на современность — в Париж. А это не больно-то! Вот этим всем занят с утра до поздней ночи. Всё делается, ничего не готово» [Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым, № 2, с. 143–144]. Важно и другое обстоятельство: по словам Ремизова, «образ Николая Чудотворца возник из слияния двух образов: Николая Мирликийского и Николая Сионитского Пинарского» (Лимонарь. С. 635). Согласно историческим данным, в Ликийи, области на юго-западе Малой Азии, жили два святителя Николая: архиепископ Николай Мирликийский, родившийся в городе Патаре, — в III–IV веках, и архиепископ Николай Пинарский — в VI веке. В житиях святых деяния этих чудотворцев смешались.

В связи с этим значимо высказывание писателя в «Примечаниях» к книге «Образ Николая Чудотворца»: «О Николае Чудотворце исторических матерьялов нет, есть только легенды. И надо было „воссоздать“ эти легенды, из которых выступил бы живой образ, самый человеческий из человеческих — Никола. (...) То, что пишется, пишется не для кого и для чего, а только для самого того, *что* пишется. И если результат работы хоть в какой мере приближается к замыслу, задача исполнена. А понятно это или непонятно, к делу не относится, потому что, как нет одного понимания, так нет одной оценки — на всех не угодишь. 2.III. 1931. Paris» [Лимонарь, с. 649; курсив Ремизова]. В 1956 г. Ремизов записал в 1-й рабочей тетради о генезисе и сакральном значении образа Николая Чудотворца, почитаемого героя легенд, «сказов и сказок»: «Запомнилось на всю жизнь — на всенощной молитва Услыши ны, Боже (...) Эта молитва — величание, вдохновение моей жизни — жизнь — звезды, но невысказанная даль, невозможно подойти — так создавалась легенда о праведном человеке — Николае Угоднике. / Так возник в Византии (образ) Николая Мирликийского и в веках сложились легенды — чудеса при жизни и чудеса по смерти праведного человека. И вышли на Русь сказкой и в русских веках имя Николая Угодника и Чудотворца — заместителя на русской земле недоступного Бога» [Грачева, с. 297]. По замыслу Ремизова, Никола — не только выдуманный святой, но и реальный праведный человек. Отсюда — многогранность и величие его образа.

В № 1 парижского журнала «Версты» за 1926 г. были опубликованы четыре легенды: «Вне закона», «Урс», «К стенке», «Беспорядочные». В примечании от редакции сообщалось: «В изд(ательстве) YMCA PRESS появится книга Алексея Ремизова „Николай Чудотворец“. С любезного согласия издательства печатаются некоторые главы из этой книги» (С. 37). Дата под текстами: «11. 4. (19)26. Париж». В YMCA-Press легенды о Николае так и не вышли. Позднее, в 1931 г., в этом издательстве Ремизов напечатал свою книгу «Образ Николая Чудотворца. Алатырь — камень русской веры» (далее — *ОНЧ*), о которой написал на экземпляре, подаренном В. И. Малышеву: «Эта книга — введение в легенды о Николе (Николай Мирликийский)» [Волшебный мир, с. 26]. Об истории создания *ОНЧ* в связи с *ТС* см.: [Розанов Ю., с. 581–594].

После *ЗО* Ремизов несколько лет публиковал новые притчи в различных эмигрантских изданиях (чаще всего в газетах «Дни», «Последние новости», журнале «Современные записки»).

Двухтомник *ТС* явился заключительным этапом работы писателя над текстами легенд о Николае Чудотворце. Книги вышли в 1929 г. в парижском издательстве «ТАИР». В библиографии произведений Ремизова, составленной Е. А. Синани, выход книг ошибочно датирован 1927 годом [Сипану, р. 72–74]. Эта неточность затем воспроизведена в целом ряде работ о писателе.

Каждый из томов включает в себя 26 легенд, количество страниц в том и другом одинаковое — 160. Из *НП–1917* и *ЗО* в состав *ТС* вошли 14 притч: «Наречённая доля», «Милостивый», «Судия», «Чудотворец» («Николай Чудотворец»), «Верный», «Свеча воровская», «Каленые червонцы», «Николино стремя», «Заря перегорелая», «Глухая тропочка», «Дар», «Доля», «Ночлежник», «Никола Угодник».

Название двухтомника восходит к зачину легенды «Никола-угодник» (1907): «Чудна некая вещь: явился Николе верхом на коне с серпами в руках ангел Господен. „Время жатвы пришло, пробудись, стань и иди на свою землю!“». Сходный фрагмент содержится в легенде «Кипарис» (1928): «И вдруг видит: всадник — в руках серпы. „Я ангел, держащий жатвенные серпы, — сказал всадник, — меня послал Господь дать тебе один из серпов: время жатвы приходит на весь мир“». Несомненный первоисточник — Апокалипсис (Откр. 14: 14–19). Согласно этому тексту, в руках у «подобного Сыну Человеческому», сидящего на облаке, и Ангела из небесного храма — два серпа. Непосредственно «три серпа» находим в тексте Антонина: «...я есмь ангел, держащий серпы жатвы. И послал меня Господь Бог дать тебе один из серпов тех. Ибо время жатвы наступает для всего мира.

И надобно тебе иметь оружие и печатствовать жнитву и передавать. Я подошел к ангелу посмотреть на оружие и вижу как бы три серпа шириною в 5, а длиною в 15 локтей. (...) я Михаил Архангел, служащий тебе ежедневно. Мне повелел Господь Бог открыть тебе то, что имеет быть во всем мире. (...) серпы, которые ты видел, суть сила и печать Господа» [Антонин, с. 477, 479].

Важно указать на одну эдиционную особенность *ТС*: в обоих томах отсутствует обозначение их порядка. Это обстоятельство породило серьезные затруднения для публикаторов и исследователей. Так, О. П. Раевская-Хьюз, касаясь двухтомника, писала: «В „Трех серпах“ Ремизов значительно расширил круг источников, посвященных св. Николаю. Теперь это были не только русские сказки и легенды, но и эпизоды из византийских и славянских житий святого. Порядок легенд следовал Житию, то есть в совокупности представлял как бы последовательное повествование о жизни, прижизненных и посмертных чудесах св. Николая, затем рассказывалось о перенесении его мощей в город Бари в Италии, после чего Никола отправлялся на Русь. Тринадцать легенд из книги „Николины притчи“ заключали I том „Трех серпов“» [Лимонарь, с. 717]. Казалось бы, есть очень веские основания считать первым том, в который включены легенды о прижизненных деяниях и чудесах Николая Угодника (в частности, из *НП—1917*). Так и поступила О. П. Раевская-Хьюз. Так же полагали и другие исследователи.

Однако Ремизов, любивший парадоксы, принял другое решение. В *ОНЧ* он позднее прямо указал, что «посмертные чудеса воспроизведены в I т. „Трех серпов“» (далее — *ТС I*), а земное житие святителя воссоздано в легендах тома II (далее — *ТС II*) [Лимонарь, с. 664]. О легендах *ТС I* Ремизов писал также в «Примечаниях» к *ОНЧ* (исключая следующие: «О трех купцах», «О ковре», «О трех иконах», «О двух сосудах», «Обманутый Иаков», «Наречённая доля»), что это «главные посмертные чудеса Николая-чудотворца, все же бесчисленные будут только вариантами» [Лимонарь, с. 646]. Легенды в *ТС II*: «чудеса при житии» («Кипарис», «К стенке», «Продовольствие», «Налог», «Кораблекрушение») [Там же]. В 4-й рабочей тетради 1956 г. Ремизов отметил: «„Звенигород окликанный“ — чудеса при жизни» [цит. по: Грачева, с. 325].

Первый том вышел в свет еще в конце 1928 г., о чем можно судить по надписи Сергею Яковлевичу и Анне Васильевне Осиповым на подаренном им экземпляре; она датирована 29 ноября 1928 г. [Волшебный мир, с. 25].

Одним из первых на выход *ТС I* откликнулся Петр Пильский: «Сладостны и тихи, тихи и благоговейны эти любимые московские легенды, — сколько их подслушал, сколько собрал Алексей Ремизов, неутомимый раскопщик старорусских драгоценностей языка и сказаний. Удивительный и оригиналь-

ный писатель! Будто о нем самом говорится в его легенде „О двух сосудах“, об этом умении, этой науке писать „единственным почерком, каким славился Августарий, — пером августариевым, с паутиной запутанной вязью“. (...) И его „московские легенды“ написаны удивительно. Прост, искренен и величав их стиль. Внушительна и убедительна их немногословность, оставляющая глубокое, захватывающее впечатление. (...) Через всю книгу проходит, ее пронизывает, освещает внутренним светом убеждение в том, что вера непобедима, и всякое насилие обречено на гибель, побеждаемое человеческим сердцем. Чем-то современным, сегодняшним веет от строк Ремизова, указывающих на то, что для всех иконоборцев самыми опасными врагами представлялись те, „кто в стороне от всякой борьбы делал свое духовное дело“, а „дело, не как-нибудь сделанное, по самому своему духу подрывало ‘иконоборческий догмат’ и было большим соблазном для смирившихся поневоле“» [Пильский, с. 8].

М. Осоргин в отзыве на *ТС I* писал об особенностях восприятия причудливых ремизовских текстов: «Кто умеет читать Ремизова — тот оценит эти легенды; кто не приспособился — для того ни их святость, ни их шутовство не могут быть убедительными. (...) „Три серпа“ — перелицовка священного на язык домашнего обихода, любопытный опыт интимного сближения неба и земли, веры и суеверия, молитвы и детской болтовни. Ни рассказать содержание „любимых московских легенд“, ни объяснить манеру авторского письма нельзя, — мы не на уроке словесности. Можно назвать книгу очаровательной, — но уж дело читателя верить на слово или, проверив, составить личное впечатление» [Осоргин, с. 3].

Критик журнала «Воля России», подписавшийся криптонимом «Z» (вероятно, М. Л. Слоним), словно отвечая М. Осоргину, отметил в рецензии на этот же том: «...не следует думать, будто Ремизов труден или недоступен для широкой публики (...) Наоборот, ряд книг Ремизова — увлекательное чтение. (...) это настоящая литература, требующая от читателя и вкуса, и известной сметки. Но это литература занимательная, и порою на книгах Ремизова отдыхаешь душой. Таков и последний сборник чудесных легенд о св. Николае. Их не устанешь читать: так много юмора, любви к человеку, тонкой наблюдательности и вымысла в этих византийских и латинских легендах, большая часть которых услаждала века тому назад русских людей своими чудесами и небылицами. (...) Язык этих легенд, настоящий русский язык, гибкий, образный, меткий, полный игры и силы — каким умеет владеть только Ремизов, и который напоминает сказки и легенды Лескова...» [Воля России, с. 165–166].

Рецензируя *ТС II* (том вышел в середине 1929 г.), критик И. Воинов постарался выявить в образе чудотворца черты, которые более всего были дороги русским людям: «Эта книга ⟨...⟩ раскрывает перед нами ⟨...⟩ вселенскую миссию Николы, заступника обездоленных, вечно болеющего за темную, греховную человеческую душу. Угодник милостивый глядит на нас ласково, всегда действенный, живой, всегда на посту ⟨...⟩ В той простоте народного говора — лучистая, радостная теплота. Она захватывает читателя подлинным пафосом крепкой мужицкой веры, явственным ощущением чуда. ⟨...⟩ Лик Николая — милостивого, „нашего“ Николы, особенно светел и ясен в тех небольших рассказах Ремизова, где местом чудес святителя является бескрайняя Русская земля. Всё здесь у автора трогательно, правдиво, слова сами плывут в душу, поднимают мысль к Богу, к тайникам слепой, беспредельной веры». При этом И. Воинов обратил внимание на стремление писателя смешать реалии разных времен: «Ремизову, однако, не всегда удается выдержать единство стиля. Старая привычка к затейливым словечкам, к излюбленному, чисто ремизовскому, „юродству“ ясно обнаруживается в некоторых „сказах“ сборника. Совершенно неожиданно, но нарочито намеренно, смешивает он в рассказах далекие, почти легендарные времена с тусклыми буднями наших дней. Мы не можем признать, что такого рода „трюки“ содействуют чистоте и выдержанности стиля... Есть что-то неприятное, пожалуй, даже оскорбительное, в перенесении той нашей повседневности в сказание, хотя бы и стилизованное, о житии святого. ⟨...⟩ Справедливость всё-таки требует признать, что в „Трех серпах“ таких „сказаний“ немного» [Возрождение, с. 3].

С выходом второго тома у критиков появилась возможность оценить легенды Ремизова о Николе в целом. К. В. Мочульский в рецензии на двухтомник писал: «„Московские любимые легенды. Три Серпа“ — пересказ своим голосом старых сказаний о Чудотворце. Автор — последний из народных сказителей. Он продолжает творимую легенду, начало которой в XI веке. И принимая из рук народа нить рассказа, он знает, какую возлагает на себя ответственность. Поддайся он соблазну подражания и „стилизации“ — и светлый образ померкнет. Из иконы получится „портретная живопись“. Ремизов и не пытается „народничать“. От своего имени и своим голосом рассказывает он; двадцатый век, эмиграция, Париж — бедственная жизнь человека в изгнании — всё, что есть и что пережито, — кладет свой отпечаток на сказания о святом Николае. ⟨...⟩ В „Трех Серпах“ есть лирические монологи автора, жалобы на горькую судьбу и плач по „бедовой доле“, здесь — свое и народное — сливаются. Русский Никола — простой и благостный; старик

с насупленными бровями и сияющими добротой глазами. „Христос, — говорит Ремизов, — это очень высоко и очень требовательно“. А Никола — он „запазущный“, благостный Христос, „притоманный“ (т. е. домашний). Этим духом простоты, смирения, домашности и земной веры наполнена книга Ремизова» [Мочульский 1932, с. 480].

А. В. Амфитеатров в пространной заметке также попытался определить, насколько органично переплетаются в ремизовских повествованиях архаика и современность: «А. М. Ремизову пришла в голову идея — доказать, что не только сохранение, но даже дальнейшее развитие древнейших фольклорных мотивов возможно в бытовых условиях современной жизни. И больше того: что современный человек, если для него фольклорный мотив имеет учительную ценность, передает то или иное сказание не в основной старинной форме, но под густым налетом современных же подробностей, которые сказание оживляют новой реальностью (...) Удачный или неудачный опыт? нужный или ненужный? Право, не знаю, как решить. Увлекательно и обольстительно — не оторваться от занимательных страниц, захватывает чародейство слов, захватывает жизненное поновление бытовых драм. Ну, а иной раз все-таки широко открываешь глаза, изумленный:

— Что это? с какой стати? откуда он взял? зачем?

Так всё время и качает А(лексей) М(ихайлович) читателя... от восхищения к недоумению. (...) Пока А. М. Ремизов остается просто излагателем легенд или сближает их с русским сказочным эпосом, его пересказы истинно превосходны, и в них даже допускаемые им дополнения, распространения и „отсебятины“ удачны, метки, остроумны: фольклорного знания и чутья А(лексе)ю Мих(айлови)чу не занимать статью. Но попытки его вносить „модерн“ в события и идеи глубокого Средневековья, на границу мирового перелома от языческой культуры к христианской, срываются с тона» [Амфитеатров, с. 4].

Наиболее категоричным в своих критических суждениях был И. А. Ильин. Он, в частности, писал Ремизову после ознакомления с текстами *ТС* в конце января 1931 г.: «...не могу [не] сказать Вам от себя, что Легенды о Николе в Трех Серпах меня огорчили. Это играющее смешивание эпох производит впечатление *иронического отношения к сюжету*: как заведомо и наверно не могло быть такого междуисторического всесмешения — так, значит, автор и к самим чудесам Николая Угодника относится заведомо несерьезно, с играющей насмешкой. Вот осадок от чтения, и Вы представить себе не можете, (...) какая темная, протестующая грусть родится от этого в душе: как если бы кто-нибудь священному Предмету зачем-то язык показал...» [цит. по: Обатнина 2008, с. 152; курсив Ильина]. Позднее свои

соображения И. А. Ильин развил в книге, одна из глав которой посвящена Ремизову: «Это отсутствие заботы об *органической цельности* произведения и о его *образной правдоподобности* выразилось у Ремизова с особенной наглядностью в его двухтомном произведении „Три Серпа. Московские любимые легенды“. Фантастические рассказы о Св. Николае, Мирликийском чудотворце, составлены автором так, что читатель с первых же страниц испытывает художественный испуг и разочарование, и не расстается с этими чувствами до конца. Дело в том, что в этих рассказах бытовой и образный материал берется *сразу* из первых веков после Рождества Христова, из средних веков европейской жизни, из православной Руси, из большевистской революции, из современного эмигрантского быта во Франции и из русской сказки. И всё это обрушивается на читателя» [Ильин, с. 119–120; курсив соответствует разрядке у Ильина]. И. А. Ильин усматривал в сказаниях писателя нарушение художественных канонов, которыми не следует пренебрегать. По его мнению, смешение жанров, стилей, эпох, разных культур, реальности и фантастики должно иметь пределы и некую творческую цельсообразность.

Тут можно согласиться с мнением З. Н. Гиппиус: «Бесполезное дело — подходить к этой сложной области русской жизни с чисто эстетической меркой» [Гиппиус, с. 448]. Ремизов пояснял в анкете Андрея Седых «Писатели о своих книгах», что его «византийские легенды о Николае Чудотворце, любимые на Москве и пересказанные по-русски, как русские, о русском» — «явление духовного мира» и «стоят вне истории и археологии» [Писатели о своих книгах, с. 4]. Подробнее об этом см.: [Обатнина 2003]. В согласии с писателем был и К. В. Мочульский: «Духовное явление в истории и географии не нуждается, анахронизмов не боится, с бытом ладит и чудесно примиряет самое древнее с наисовременнейшим. Для Ремизова легенды — не археология, а жизнь, со всеми ее мелочами, и сегодняшний день, и вечность» [Мочульский 1932, с. 480].

Литература

- Айхенвальд — *Каменецкий Б.* [Айхенвальд Ю. И.]. Литературные заметки // Руль (Берлин). 1924. № 1170, 8 окт. С. 2–3.
- Амфитеатров — *Амфитеатров А.* Святые на автомобиле и аэроплане // Сегодня. 1932. № 6, 6 янв. С. 4.
- Антонин — *Антонин (Капустин), архим.* Св. Николай, епископ Пинарский и архимандрит Сионский // Труды Киевской духовной академии. 1869. Т. 2, № 6. С. 445–497.
- Возрождение — *Воинов И.* Алексей Ремизов. «Три серпа». Московские любимые легенды. Кн. 2-ая. (...) [Рец.] // Возрождение (Париж). 1929. № 1535, 15 авг. С. 3.

- Волшебный мир — Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки. СПб.: Хронограф, 1992. 44 с.
- Воля России — Z. Новая книга Ремизова // Воля России (Париж). 1929. № 2. С. 164–166.
- Гиппиус — Антон Крайний [Гиппиус З. Н.]. А. Ремизов. Николины притчи // Современные записки (Париж). 1924. Кн. 22. Декабрь. С. 447–449.
- Грачева — Грачева А. М. Жанр романа и творчество Алексея Ремизова (1910–1950-е годы). СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2010. 536 с. (Б-ка Пушкинского Дома).
- Докука и балагурье — Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. М.: Русская книга, 2000. Т. 2: Докука и балагурье. 720 с.
- Ильин — Ильин И. А. Творчество А. М. Ремизова // Ильин И. А. О тьме и просветлении: Книга художественной критики: Бунин — Ремизов — Шмелев. Мюнхен: Тип. Обители прп. Иова Почаевского, 1959. С. 81–131.
- Лимонарь — Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. М.: Русская книга, 2001. Т. 6: Лимонарь. 784 с.
- Мочульский 1924 — К. В. [Мочульский К. В.] Звенигород окликанный. Николины притчи (...) [Рец.] // Звено (Париж). 1924. № 86, 22 сент. С. 3.
- Мочульский 1932 — Мочульский К. В. Алексей Ремизов. (...) Московские любимые легенды. Три серпа // Современные записки (Париж). 1932. Кн. 48. С. 479–481.
- Обатнина 2003 — Обатнина Е. О целях творчества: Полемический диалог А. Ремизова и И. Ильина // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб.; Салерно: Europa Orientalis; Puskinskij Dom, 2003. С. 181–202.
- Обатнина 2008 — Обатнина Е. А. М. Ремизов: Личность и творческие практики писателя. М.: Новое лит. обозрение, 2008. 295 с.
- Осоргин — М. О. [Осоргин М. А.]. Легенды А. Ремизова // Последние новости (Париж). 1929. № 2892, 21 февр. С. 3.
- Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1994. № 1. С. 159–174; № 2. С. 136–185.
- Пильский — П. П-ский [Пильский П.]. А. Ремизов. Московские любимые легенды // Сегодня (Рига). 1929. № 12, 12 янв. С. 8.
- Писатели о своих книгах — Писатели о своих книгах: [Анкета Андрея Седых] // Последние новости. 1930. № 3206, 1 янв. С. 4 (Ответ Ремизова о книге «Три серпа» и «По карнизам» среди других авторов).
- Розанов Ю. — Розанов Ю. В. Никольский цикл А. М. Ремизова и проблема «последней книги» // Проблемы исторической поэтики: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск: ПетрГУ, 2008. Вып. 8 (5): Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Сб. науч. тр. С. 580–593.
- Тукалевский — Т-ский Вл. [Тукалевский В. Н.] Алексей Ремизов. «Звенигород окликанный» (...) [Рец.] // Воля России (Прага). 1924. № 16/17. С. 233–234.
- Sinany — Bibliographie des œuvres de Alexis Remizov / Établie par Hélène Sinany; sous la direction de T. Ossorguine. Paris: Institut d'études slaves, 1978. 255 p.

References

- Amfiteatrov, A. (1932). 'Svyatyte na avtomobile i aeroplane', *Segodnya*, 6, 6 yanv., 4.
- Anton Krainii [Gippius, Z. N.] (1924). 'A. Remizov. Nikoliny pritchi', *Sovremennye zapiski* (Paris), 22, 447–449.

- Antonin (Kapustin), arhimandrit (1869). 'Svyatoi Nikolai, episkop Pinarskii i arhimandrit Sionskii', *Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii*. Vol. 2, 6, 445–497.
- Danilova, I. F., Danilevskii, A. A., eds. (1994). 'Perepiska L. I. Shestova s A. M. Remizovym', *Russkaya literatura*, 1, 159–174; 2, 136–185.
- Gracheva, A. M. (2010). *Zhanr romana i tvorchestvo Alekseya Remizova (1910–1950-e gody)*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo "Pushkinskij Dom", 536 p.
- Il'in, I. A. (1959). 'Tvorchestvo A. M. Remizova', in: Il'in, I. A. *O t'me i prosvetlenii: Kniga khudozhestvennoi kritiki: Bunin — Remizov — Shmelev*. München: Tipografiya Obiteli prepodobnogo lova Pochaevskogo, 81–131.
- Kamenetskii, B. [Aykhval'd, Yu. I.] (1924). 'Literaturnye zametki', *Rul'* (Berlin), 1170, 8 okt., 2–3.
- K. V. [Mochul'skii, K. V.] (1924). 'Remizov A. Zvenigorod oklikannyi. Nikoliny pritchi... [Retsenziya]', *Zveno* (Paris), 86, 22 sent., 3.
- Mochul'skii, K. V. (1932). 'Aleksei Remizov. (...) Moskovskie lyubimye legendy. Tri serpa', *Sovremennye zapiski* (Paris), 48, 479–481.
- M. O. [Osorgin, M. A.] (1929). 'Legendy A. Remizova', in: *Poslednie novosti* (Paris), 2892, 21 fevr., 3.
- Obatnina, E. (2003). 'O tselyakh tvorchestva. Polemicheskii dialog A. Remizova i I. Il'ina', in: *Aleksei Remizov. Issledovaniya i materialy*. Saint Petersburg; Salerno: Europa Orientalis; Puskinskij Dom, 181–202.
- Obatnina, E. (2008). *A. M. Remizov: Lichnost' i tvorcheskie praktiki pisatelya*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 295 p.
- P. P-skii [Pil'skii, P.] (1929). 'A. Remizov. Moskovskie lyubimye legendy', *Segodnya* (Riga), 12, 12 yanv., 8.
- 'Pisateli o svoikh knigakh. [Anketa Andrey Sedykh]' (1930), *Poslednie novosti*, 3206, 1 yanv., 4.
- Remizov, A. M. (2000). *Sobranie sochinenii*. 10 vols. Moscow: Russkaya kniga. Vol. 2: Dokuka i balagur'e, 720 p.
- Remizov, A. M. (2001). *Sobranie sochinenii*. 10 vols. Moscow: Russkaya kniga. Vol. 6: Limonar'. 784 p.
- Rozanov, Yu. V. (2008). 'Nicol'skii tsikl A. M. Remizova i problema "poslednei knigi"', in: *Problemy istoricheskoi poetiki: Tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr*. Petrozavodsk: Petrozavodskii gosudarstvennyi universitet. Vol. 8 (5): Evangel'skii tekst v russkoi literature 18–20 vekov: Sbornik nauchnykh trudov, 580–593.
- Sinany, H. (1978). *Bibliographie des œuvres de Alexis Remizov*. T. Ossorguine, ed. Paris: Institut d'études slaves, 255 p.
- T-skii VI. [Tukalevskii, V. N.] (1924). 'Aleksei Remizov. "Zvenigorod oklikannyi" (...) [Retsenziya]', *Volya Rossii* (Praga), 16/17, 233–234.
- Voinov, I. (1929). 'Aleksei Remizov. "Tri serpa". Moskovskie lyubimye legendy. Kn. 2-aya (...) [Retsenziya]', *Vozrozhdenie* (Paris), 1535, 15 avg., 3.
- Volshebnyy mir Alekseya Remizova: Katalog vystavki*. Saint Petersburg: Khronograf, 1992, 44 p.
- Z. (1929). 'Novaya kniga Remizova', *Volya Rossii* (Parizh), 2, 164–166.